

Нет автора

**Отчет о 17-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 17-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 146 с.

ISBN 978-5-4241-8492-5

ISBN 978-5-4241-8492-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

СЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ЗА ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ,

составленный Непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ и читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 Сентября 1874 г.

Сочиненій по части русской и славянской исторіи, представленныхъ на соисканіе наградъ графа Уварова, было девять; кромѣ того въ соисканіи участвовало одно сочиненіе, отложенное отъ прошлогодняго конкурса. Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, Конференціею Академіи была назначена комісія, подѣ председательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: А. А. Куника, И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота, А. Ф. Бычкова, М. И. Броссе и А. В. Никитенко.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, комісія для каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, комісія, въ засѣданіи 10 сего сентября, положила удостоить меньшихъ Уваровскихъ премій (въ 500 р. каждая) слѣдующія четыре книги:

I.

Исторія возсоединенія западно-русскихъ Уніатовъ старыхъ временъ. М. О. Коляовича. С.-Петербургъ 1873 г.

Это сочиненіе было разсмотрѣно членомъ-кореспондентомъ

Увар. отч.

Академіи А. Н. Поповымъ, который въ своей рецензіи, подробно указавъ на достоинства труда г. Кояловича, вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ тѣ основанія, по которымъ онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ нѣкоторыми взглядами автора.

Сущность замѣчаній рецензіи состоитъ въ слѣдующемъ :

Имя профессора С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича давно извѣстно въ нашей ученой литературѣ, и прежніе его труды оцѣнены по достоинству. Еще въ 1859 и 1861 гг. онъ издалъ два тома изслѣдованій о Литовской церковной униіи. Затѣмъ, какъ самъ онъ говоритъ, въ рѣчи, произнесенной имъ передъ защитою разсматриваемаго нами сочиненія, которое было представлено на соисканіе ученой степени доктора, — онъ «началъ заниматься, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, исторію воссоединенія униатовъ въ 1839 г. Но, изучивъ главнѣйшіе памятники этого событія въ собраніи бумагъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, въ громадномъ собраніи дѣлъ архивовъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода и греко-униатской коллегіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ въ Западной Россіи, и послѣ бесѣдъ съ современными свидѣтелями этого событія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что воссоединеніе униатовъ 1839 г., въ главѣ котораго стоялъ необыкновенный человекъ нашего времени, покойный митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, не было дѣломъ новымъ, имъ измышленнымъ, или искусственно-созданнымъ русскимъ Правительствомъ, а составляло продолженіе направленія, давно существовавшаго и только около времени митрополита Іосифа заслоненнаго извѣстною политическою системою дѣйствій князя Адама Чарторійскаго, нашествіемъ Французовъ и господствомъ въ нашей интеллигенціи западно-европейскихъ идей». — Изъ этихъ словъ видно, что авторъ въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно и непрерывно посвящалъ свои занятія изслѣдованіямъ объ историческихъ судьбахъ униіи или, какъ онъ постоянно ее называетъ — *униатской церкви*. Начавъ свои занятія исторію униіи со временъ первоначальнаго ея установленія, г. Кояловичъ намѣревался перейти затѣмъ къ изслѣдованію того событія, которымъ окончилось ея существованіе въ предѣлахъ русской Имперіи, т. е. къ воссоединенію униатовъ съ восточною церковью въ 1839 г. Но продолжая занятія своимъ предметомъ, онъ естественно пришелъ къ тому убѣжденію, что это событіе не можетъ быть ни понято, ни объяснено надлежащимъ образомъ безъ предварительнаго изслѣдованія предшествовавшихъ ему явленій въ исторіи униіи. Плодомъ этихъ изслѣ-

дованій представляется новый трудъ г. Кояловича, служащій переходомъ отъ первыхъ его, уже обнародованныхъ изслѣдованій объ униі, къ розысканіямъ, предположеннымъ въ будущемъ, о возсоединеніи униатовъ при Императорѣ Николаѣ. Обиліе и особое свойство источниковъ дали возможность сочинителю подробно изложить происшествія второй половины XVIII столѣтія и сообщить своему изложенію особенную живость. Много источниковъ уже обнародовано комисією для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, комисією бывшею при Виленскомъ учебномъ округѣ, Археографическою комисією и пр. Но еще большее ихъ количество хранится въ архивахъ. Всѣми такими матеріалами пользовался авторъ. «Въ борьбѣ, происходившей въ униі, говоритъ М. О. Кояловичъ, часть русскихъ людей, оставшаяся въ предѣлахъ Польши и лишенная почти всей своей интеллигенціи, съ поразительной искренностію и самоотверженіемъ ратуетъ за свое русское и православное званіе. Мы видимъ, что во время этой борьбы всѣ слои народа, простые крестьяне, ктиторы, т. е. церковные старосты, священники, иноки, стоятъ за одно, *обладаютъ большими свѣдѣніями политическими, знаютъ даже секреты политическіе*, и такъ какъ въ главѣ этого русскаго общества стояли духовные, которымъ естественно было сообщать свои свѣдѣнія нашему центральному-духовному правительству; то отсюда вышло что нашъ Синодъ обладалъ полными и вѣрными свѣдѣніями о дѣлахъ въ Польшѣ». Но эта борьба части русскаго народа, находившагося въ Польшѣ, шла съ униатами и латинянами-Поляками, которые съ своей стороны оставили не менѣе извѣстій, какъ напечатанныхъ, такъ и хранящихся въ архивахъ. Архивъ униатскихъ митрополитовъ сохраняетъ значительное количество такихъ извѣстій и между ними г. Кояловичъ весьма справедливо считаетъ *чрезвычайно важною* переписку, продолжавшуюся непрерывно десять лѣтъ между королевскимъ секретаремъ и въ то же время униатскимъ архидіакономъ, а потомъ епископомъ Левинскимъ съ униатскимъ митрополитомъ Смогоржевскимъ. Въ этой перепискѣ дѣйствительно *замѣтны нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣлахъ политики* и даже *тайныхъ*, но эти свѣдѣнія незначительны. Вообще же они не могли быть извѣстны въ то время никому, кромѣ нѣкоторыхъ кабинетовъ европейскихъ державъ и по преимуществу русскому. Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ латинянами и поляками даже о происшествіяхъ того времени, замѣчается разнообразіе. Такъ-ли могли относиться къ дѣламъ того времени иезуиты, уничтоженные

въ то время папою, преслѣдуемые въ Польшѣ и нашедшіе себѣ пріютъ въ Россіи, какъ относилась польская латинская іерархія, руководимая папскими нунціями? Одинаковы-ли между собою свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ, какія могли сообщать тѣ польскіе паны, которые не только не преслѣдовали православныхъ, но даже защищали ихъ, и тѣ свѣдѣнія, какія оставили въ наслѣдство исторіи правительство и шляхетство Польскія? Въ самой средѣ униатовъ шла въ то время роковая борьба двухъ направленій, постоянно въ ней существовавшихъ, и она не могла не отразиться на источникахъ, вышедшихъ изъ этой среды.

При такихъ условіяхъ историческіе памятники этой эпохи униіи весьма многочисленны, разнообразны по направленію и по степени правдивости. Разнообразіе, условленное вліяніемъ среды, изъ которой они происходили, усиливалось еще болѣе тѣмъ особеннымъ порядкомъ или, лучше сказать, беспорядкомъ устройства польскаго государства, который допускалъ необузданность личности, несдерживаемой ни законами, ни обычаями, ни государственною властью. Это свойство придавало особымъ, такъ сказать, *индивидуальный* характеръ большей части этихъ памятниковъ; но въ то же время оно давало и возможность каждой личности оставить въ память потомству свой обликъ со всѣми достоинствами и недостатками, со всѣми страстями и увлеченіями.

Такія свойства историческихъ источниковъ, представляя огромное преимущество, даютъ обильныя краски для начертанія оживленной картины прошедшаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ и большую опасность: они могутъ увлечь историка въ одну сторону и лишить его необходимаго безпристрастія. Такое вліяніе этихъ источниковъ отражалось на всѣхъ сочиненіяхъ объ униіи писанныхъ въ Польшѣ и западной Европѣ. Конечно, эта опасность менѣе всѣхъ угрожаетъ русскому православному историку, потому что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ; но тѣмъ не менѣе на немъ лежитъ обязанность подчинить себѣ эти источники и уберечься отъ ошибокъ.

По добросовѣстности и подробности, съ которыми авторъ излагаетъ происшествія избраннаго имъ періода въ исторіи униіи, его сочиненіе составляетъ важный вкладъ въ науку русской исторіи. Если, какъ замѣчаетъ рецензентъ, и возможно указать въ этомъ трудѣ на нѣкоторыя неточности, неизбежныя какъ по сложности работы, такъ и по свойству источниковъ, то онѣ не настолько значительны, чтобы могли уменьшишь достоинство сочиненія. Но что

касается до оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ, дѣйствовавшихъ въ это время, лицъ и взгляда вообще на политику Императрицы Екатерины въ отношеніи къ вопросу объ униі, то г. Поповъ не соглашается съ мнѣніями почтеннаго профессора духовной академіи, и въ своемъ отзывѣ приводитъ тѣ основанія, по которымъ онъ полагаетъ, что объективное и менѣе одностороннее изученіе историческихъ свидѣтельствъ должно приводить къ нѣскольکو иной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ лицъ, чѣмъ та, которую дѣлаетъ авторъ.

II.

Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ I-й. Текстъ В. С. Румянцова. Москва 1872 г. (1873).

Постановляя приговоръ свой объ этомъ сочиненіи, комисія имѣла въ виду его разборъ, написанный по ея порученію, академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Поводомъ къ издаціи сборника памятниковъ русскаго книгопечатанія было исполнившееся въ 1864 г. трехсотлѣтіе со времени выхода въ свѣтъ первой печатной книги изъ Московской типографіи, существующей и доселѣ подъ именемъ Синодальной. Представленный Академіи первый выпускъ этого роскошнаго изданія содержитъ въ себѣ исторію Московскаго печатнаго двора, до разоренія его въ смутное время, и дѣлится на слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) учрежденіе печатнаго двора въ Москвѣ, 2) Московскіе первопечатники, 3) первыя Московскія изданія, 4) распространеніе книгопечатанія на юго-западѣ Россіи, 5) книгопечатаніе въ Москвѣ до Литовскаго нашествія и 6) библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора со времени основанія до Литовскаго разоренія.

Главными матеріалами для исторіи типографскаго дѣла въ Россіи доселѣ были: данныя о книгопечатаніи въ южно-славянскихъ земляхъ, послѣсловія къ печатнымъ книгамъ, выходившимъ изъ Московской и другихъ русскихъ типографій, и два, поясняющія исторію Московскаго книгопечатанія сказанія, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ Синодальной бібліотеки. Всѣ же другіе матеріалы, которыхъ число впрочемъ весьма ограничено, особенно для періода съ 1553 по 1611 г., имѣютъ второстепенное значеніе и могутъ лишь служить иногда къ поясненію главныхъ фактовъ. Послѣ трудовъ митрополита Евгенія, Сопикова, Снегирева и въ особенности П. М. Строева, современный изслѣдователь, если

только онъ случайно не найдетъ новыхъ, неизвѣстныхъ матерьяловъ, едвали въ состояніи сказать что-либо новое объ исторіи книгопечатанія въ Россіи; но обязанность такого изслѣдователя — отнестись критически къ трудамъ своихъ предшественниковъ, и, очистивъ извѣстное отъ невѣрныхъ данныхъ или бездоказательныхъ предположеній, изложить въ стройномъ цѣломъ все, что добыто наукою до послѣдняго времени. Эту задачу исполнилъ г. Румянцевъ. Изъ подъ его пера, по отзыву рецензента, явился трудъ, въ которомъ не пропущено и не оставлено безъ вниманія ни одного изъ дошедшихъ до насъ данныхъ, а нѣкоторымъ фактамъ сдѣланы новыя объясненія, — словомъ, трудъ, далеко оставившій за собою всѣ предшествовавшіе труды по этому предмету.

Чтобы доказать справедливость такого сужденія о книгѣ г. Румянцева, академикъ Бычковъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе cadaго изъ ея отдѣловъ, при чемъ указываетъ на наиболѣе важные выводы, добытые авторомъ. Съ особымъ вниманіемъ останавливается рецензентъ на исторіи появленія въ свѣтъ и на описаніи «Дѣяній апостольскихъ и посланій соборныхъ и святаго апостола Павла посланіяхъ» — первой, сколько до сихъ поръ извѣстно, печатной книги, вышедшей изъ Московской типографіи. Эту книгу, образецъ изящной печати, которому нельзя не удивляться даже и въ наше время, г. Румянцевъ впервые описалъ отчетливо и подробно, какъ съ виѣшней стороны, такъ и со стороны типографской техники. Его описаніе, по свидѣтельству г. Быčkova, даетъ о ней самое вѣрное понятіе и возбуждаетъ невольное сожалѣніе о томъ, что такимъ же образомъ не описаны у автора и другія книги, выпущенныя изъ Московской типографіи, по крайней мѣрѣ такъ называемыя первоначальныя изданія. Рукопись, по которой печатался Апостолъ 1564 г., не дошла до насъ, а славянскій текстъ его до сихъ поръ не былъ еще изслѣдованъ, и наши ученые, какъ наприм. С. М. Соловьевъ и архіепископъ Харьковскій Филаретъ, имѣли о немъ сбивчивыя и невѣрныя понятія; поэтому г. Румянцевъ, для болѣе точнаго ознакомленія съ особенностями текста Апостола и для сравнительнаго опредѣленія его достоинства, сличилъ текстъ означенной книги съ текстомъ, находящимся въ древнѣйшихъ рукописяхъ Апостола, хранящихся въ Московской Синодальной библіотекѣ, и въ печатныхъ изданіяхъ: Острожскомъ 1581 года и нынѣшнемъ. Для успѣшнаго разрѣшенія этой нелегкой, а между тѣмъ очень существенной задачи, г. Румянцеву послужила немаловажнымъ пособіемъ най-

денная имъ и напечатанная въ приложеніи къ его изслѣдованію, обширная «Докладная выписка», составленная справщиками печатнаго двора, и между прочимъ извѣстнымъ Медвѣдевымъ, по приказанію патріарха Іоакима, о замѣченныхъ ими разностяхъ при сличеніи напечатанной въ 1671 г. книги Апостола «съ древними апостолами рукописанными и харатейными словенскими, съ бесѣдами апостольскими и со иными преводами». Г. Румянцевъ все, довольно значительное число указанныхъ въ выпискѣ и найденныхъ имъ самимъ разностей въ текстѣ первопечатнаго Апостола и другихъ текстахъ, раздѣлилъ на три группы. Къ первой онъ отнесъ мѣста, въ которыхъ слова и рѣченія несогласны съ принятыми въ нынѣшнемъ текстѣ или и совсѣмъ изъ него исключены, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ Острожской библии исправлены сходно съ нынѣшнимъ текстомъ. Во вторую группу онъ помѣстилъ слова и рѣченія, встрѣчающіяся только въ первопечатномъ Апостолѣ и которыхъ Іоакимовскіе справщики не нашли въ имѣвшихся у нихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ третью группу образовали мѣста первопечатнаго Апостола, въ которыхъ противъ бумажныхъ списковъ встрѣчаются новыя исправленія какъ въ чтеніяхъ греческаго текста, такъ и въ переводѣ. На основаніи такого сличенія, которое нельзя не признать весьма цѣннымъ вкладомъ для исторіи славянскаго текста Апостола и которое даетъ точное понятіе какъ о недостаткахъ и достоинствахъ текста первопечатнаго Апостола, такъ и объ его отношеніи къ тексту древнѣйшихъ и современныхъ ему рукописныхъ Апостоловъ, а также къ Острожскому и нынѣшнему печатнымъ, авторъ изслѣдованія дѣлаетъ свой выводъ о первопечатномъ текстѣ, который, «принадлежа къ фамиліи бумажныхъ списковъ, въ тоже время является самостоятельнымъ, и притомъ не только тамъ, гдѣ онъ представляетъ другія чтенія или другой переводъ противъ списковъ, но и въ самыхъ заимствованіяхъ своихъ изъ рукописей. Эти заимствованія дѣлаются въ немъ иногда изъ бумажныхъ, иногда изъ харатейныхъ списковъ, иногда изъ древняго перевода, сохранившагося въ синодальныхъ толковыхъ апостолахъ. Вообще видно, что издатели первопечатнаго апостола имѣли подъ руками не мало славянскихъ списковъ разныхъ переводовъ или редакцій. Руководствуясь этими списками, а иногда, по-видимому, и собственнымъ разумѣніемъ, они внесли въ текстъ бумажныхъ списковъ, бывшихъ въ то время во всеобщемъ употребленіи, весьма много новыхъ исправленій. Исправленія эти, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ,

сдѣланы были удачно и вообще болѣе всѣхъ извѣстныхъ списковъ приблизили славянскій апостольскій текстъ къ принятому нынѣ».

Послѣ замѣчаній объ языкѣ первопечатнаго Апостола и его правописаніи и краткаго описанія часовника—второй книги, напечатанной въ Москвѣ, авторъ приводитъ свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ книгопечатаніе распространилось изъ Москвы на юго-западъ Россіи, и излагаетъ послѣдующую исторію типографскаго дѣла въ самой Москвѣ, до Литовскаго нашествія. Не сообщая при этомъ новыхъ фактовъ, онъ не упускаетъ изъ виду ничего, что было добыто другими изслѣдователями и, подвергая уже извѣстныя данныя ученой критикѣ, искусно группируетъ ихъ и выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Кромѣ вышеупомянутой «Докладной выписки» и библиографическихъ свѣдѣній объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора, г. Румянцевъ приложилъ къ своему труду 27 листовъ снимковъ съ печатныхъ книгъ и съ византійско-русскихъ украшеній. Эти таблицы исполнены превосходно и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ изученію исторіи типографскаго у насъ искусства до 1611 года. Выборъ помѣщеннаго на таблицахъ сдѣланъ искусно и съ большимъ знаніемъ дѣла: изъ каждой книги взято наиболѣе характеристичное, именно то, что отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ: гравюры, заставки, заглавныя буквы, вязъ, цвѣтки и узлы. Сверхъ того на нѣкоторыхъ таблицахъ заключаются данныя, посредствомъ которыхъ каждому изслѣдователю легко опредѣлить степень вліянія иноземныхъ и западно-русскихъ типографій на Московскую.

Свою рецензію г. Бычковъ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что книга г. Румянцева, при всѣхъ ея достоинствахъ, имѣетъ и недостатки, состоящіе въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ и въ слишкомъ краткомъ описаніи книгъ, вышедшихъ изъ Московской типографіи, за исключеніемъ первопечатнаго Апостола. Но эти недостатки не могутъ уменьшить важности разсматриваемаго труда, составляющаго, по одному уже описанію Апостола 1564 года, значительное приобрѣтеніе для науки.

III.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова, А. Никитскаго. Спб. 1873 г.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Дерптскаго университета И. Е. Энгельманомъ, который въ особенности указываетъ на тщательность и

добросовѣстность изслѣдованій автора. Г. Никитскій старался выискать въ истинный смыслъ источниковъ и извлечь изъ нихъ все, что они содержатъ; мѣтко схватывая особенности Псковскаго быта, онъ заботится объ объясненіи ихъ происхожденія особенными обстоятельствами существованія Пскова. Добросовѣстность въ собираніи фактовъ, правильность ихъ оцѣнки и наглядность группировки, таковы, по словамъ рецензента, отличительныя качества сочиненія г. Никитскаго. Оно несомнѣнно принесетъ пользу наукѣ, требующей именно подробнаго и строгаго разбора источниковъ и надлежащей обработки фактовъ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ находитъ, что автору недостаетъ навыка въ примѣненіи приѣмовъ исторической критики. Иногда считая дѣло совершенно яснымъ, онъ не беретъ на себя труда собрать всѣ извѣстія, касающіяся до этого предмета, и заглянуть во всѣ источники, вслѣдствіе чего мѣстамъ приходится къ поверхностнымъ результатамъ. Иной разъ, въ своихъ сужденіяхъ, онъ теряетъ изъ вида общій планъ изслѣдованія; рассматривая извѣстную сторону предмета, онъ плѣняется ею, забываетъ другую сторону, а переходя къ другой, увлекается п ею и противорѣчитъ самому себѣ, такъ что читателю трудно рѣшить какого же наконецъ мнѣнія придерживается авторъ. Но самый главный недостатокъ г. Никитскаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничиваетъ свой трудъ тѣмъ предметомъ и тѣми способами изслѣдованія, которыми умѣетъ пользоваться, — у него является иногда охота пускаться въ сравнительную исторію права и въ историко-философскія разсужденія и соображенія, что ему очевидно не подѣ силу. Нельзя также не замѣтить его страсти къ громкимъ и необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя, его небрежности въ употребленіи нѣкоторыхъ выраженій и наконецъ излишества иностранныхъ словъ.

Послѣ общихъ замѣчаній о разсмотрѣнной имъ книгѣ, г. Энгельманъ дѣлаетъ оцѣнку отдѣльныхъ ея частей.

Изслѣдованіе г. Никитскаго, раздѣленное на шесть главъ, изъ которыхъ первая названа введеніемъ, распадается на самомъ дѣлѣ на двѣ части, неимѣющія ничего между собой общаго: въ первой излагается взглядъ автора на родовой бытъ въ древней Руси, а вторая посвящена самому изслѣдованію внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть состоитъ изъ пяти главъ: 1) областной бытъ Великаго Новгорода, 2) Псковъ и его устройство, 3) состояніе церкви во Псковѣ, 4) торжество Московскаго порядка и 5) вліяніе Москвы на церковныя дѣла.

При изложеніи своего взгляда на родовой бытъ въ древней Руси, авторъ не ограничивается положительными данными, но вдается и въ общія историко-философскія разсужденія и, забираясь слишкомъ далеко, касается исторіи цивилизаціи народовъ по поводу такого спеціальнаго предмета, какъ внутренняя исторія Пскова. При этомъ онъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые въ двухъ-трехъ словахъ не могутъ быть не только разрѣшаемы, но и излагаемы ясно и понятно. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Никитскаго рецензентъ находитъ заслуживающими вниманія изслѣдованія о различіи между круговой порукой, существовавшей вѣроятно уже въ древнѣйшее время, и тою, которая встрѣчается въ позднѣйшую, историческую пору, о характерѣ родовыхъ отношеній, о значеніи родоначальника, городовъ, о надсици родоваго быта и установленіи государственнаго начала и т. п. Рецензентъ находитъ здѣсь много основательныхъ замѣчаній, къ сожалѣнію слишкомъ часто прерываемыхъ фикціями или слишкомъ искусственными объясненіями автора.

Въ главѣ, посвященной изображенію Новгородскаго строя, г. Никитскій, придавая этому предмету значеніе лишь введенія въ исторію Пскова, не рисуетъ полной картины историческаго развитія Новгородскаго быта, но указываетъ лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ особенную важность: онъ объясняетъ, какое значеніе имѣло понятіе старшинства на отношенія городовъ между собою; затѣмъ разсматриваетъ тѣ средства, которыми старѣйшій городъ Новгородъ располагалъ для вліянія на областной бытъ. По отзыву рецензента, весьма понятно и ясно изложены здѣсь отношенія Новгорода къ сосѣднимъ великимъ князьямъ по спорнымъ землямъ, значеніе служилыхъ людей, вступившихъ, какъ доказываетъ авторъ, въ такія же отношенія къ Новгороду, въ какія они вступали къ великимъ князьямъ, отношеніе Двинской земли къ Новгороду и проч.

Въ исторіи самого Пскова, г. Никитскій съ особымъ вниманіемъ излагаетъ ходъ событій, доведшихъ этотъ городъ до совершенной независимости отъ Новгорода; онъ доказываетъ коренное различіе между положеніемъ князей во Псковѣ и въ Новгородѣ — различіе, на которое до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія, и утверждаетъ, что Псковскіе князья были сначала только кормленщики, лишь мало-по-малу получили другое значеніе, и, наконецъ, съ конца первой четверти XIV вѣка явились самостоятельными князьями. Это положеніе г. Никитскій старается вывести